

Харківське міське товариство «Філософська освіта»
Університет внутрішніх справ
Кафедра філософії Харківського державного університету

Проблема раціональності наприкінці ХХ століття

**Матеріали V Харківських міжнародних
Сковородинівських читань**

29-30 вересня 1998 р.

Харків 1998

В.Н. Килюзный (Харьков)

ДЕКОНСТРУКЦИЯ СХОДСТВА В РОМАНЕ В. НАБОВОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»

К числу универсальных тем Набокова относятся: ИГРА, ТВОРЧЕСТВО, ПАМЯТЬ, ВООБРАЖЕНИЕ, ДВОЕМИРИЕ, ПОШЛОСТЬ, УТРАЧЕННЫЙ РАЙ. Отличает же «Отчаяние» тема СХОДСТВА. Эпиграфом к нему могли бы послужить слова: «Подвергай все сравнению». Пространство романа превращается в компарационный стол. Сравняется прошлое и настоящее, вымышленное и реальное, далекое и близкое. «Мне даже представляется иногда, что основная моя тема, сходство двух людей, есть некое иносказание», - признается повествователь. Цель настоящих заметок - затянуть несколько узелков на нити, связывающей (намертво) двух героев: впавшего в отчаяние и того, кто посчастливее.

Их встреча произошла девятого мая (в День победы?) тридцатого года. Оба одного возраста. По мужской линии принадлежат германскому миру (не потому ли один из них - Герман?), по женской - славянскому. Герман родился в богатой семье, он «никогда не воровал персиков». У Феликса было «смутное и невеселое детство». Но он не очерствел - «с детства любил фиалки и музыку». У Германа была другая пламенная страсть: «сочинял тайно стихи и длинные истории». От флоры и фауны он также не отгораживался; его родители умилялись, как он - «маленький и деловитый» - снимает с роз и давит гусениц, похожих на сучки.

Оба героя любят мять цветы, валяться на траве. По Феликсу «Лучше спать на сеновале, чем в лесу, но лучше спать в лесу, чем на скамейке». Герман в детстве частенько «лежал ничком в сочной траве под фруктовыми деревьями и поспивывал, беслечно мечтая». Последний вопрос, который перед ним встает: «Может быть, ...я сейчас про- сну» где-нибудь - на травке под Прагой».

Любители расслабиться не привязаны к одному месту. Феликс, едва возмужав, забродяжничал. Герман «много путешествовал». Он любит один пройтись по лесу, с женой - по городскому парку, даже в командировке умудряется гулять. Феликс перемещается исключительно на своих двоих; Герман средства передвижения любит чередовать: автомобиль, автобус, поезд.

Ареалы обитания персонажей различны. Герман - столичная штучка - выезжает как правило в крупные промышленные и культурные центры. Феликс - деревенщина: «Городов не люблю. В городе нашему брату скучно».

Объединяющим моментом является безразличие к куреву, пиву, еде. Но если Феликс ощущает голод («Пустому желудку одно только и можно сказать»), то Герман - насыщение («веселила душу коньячная отрыжка, а в уголках рта остались соленые следы яичницы»).

С другими соблазнами ситуация менее прозрачна. Феликс «женщин всегда чуждался». Герман «с седьмого класса стал довольно аккуратно посещать веселый дом», но с женитьбой остепенился. Правда, по непонятным мотивам ему «приходило в голову...заняться...изданием дорогих, роскошных книг, посвященных всестороннему освещению эроса...»

Герман - «умница», едва ли не «гениальный изобретатель». В Феликсе же, похоже, «был собран весь букет человеческой глупости». Входы разумного, доброго, вечного в этот гербарий не попали. «Философия - выдумка богачей», - говорил он с глубоким убеждением. «И вообще, все это пустые выдумки: религия, поэзия...И вообще мир это, знаете, дерьмо». (Материальные доказательства последнего Феликс оставляет довольно часто. Об одно из них Герман едва не споткнулся.) Носителю ходячей мудрости вторит начитанный собрат: «Философствовать не люблю, но все же следует признать, что мир устроен несправедливо».

Таким образом, метафизику не жалуют оба. Феликс предпочитает натурфилософию: «Главное - природа». Герману ближе сфера эстетического; «бледные страницы всех философий» не тянут против «шуршащей толщи» рукописи, насыщенной «литературной колорату-

рой». Но важны не только «иной выгиб», «иной оттенок». Чем дальше в лес, тем больше Германа увлекает мысль, что «литература - это любовь к людям». Так «искусство ради искусства» проникается гуманистическим пафосом. Феликс же задалый релятивист: «Любовь, воровство, убийство, - все это дурно или хорошо, смотря по обстоятельствам».

Феликс не только левша, но и левак: «Хорошо, когда в лесу много белок. Я люблю их за то, что они против помещиков». А вот непогрешимые истины («коммунизм в конечном счете - великая, нужная вещь») в устах беглеца из советского рая звучат фальшиво.

Принадлежность к «разным, резко отграниченным классам» определяет в полном соответствии с положениями марксизма полярные ценностные установки: «возжелание неимущего» («Я люблю деньги») и «спокойное удовлетворение собственника» («Я был художник бескорыстный»). Феликс - «мелкий мошенник». Герману роль матерого мафиози приходится играть: «Я собираюсь произвести кое-какую операцию...» Путь к сердцу вора лежит через сокровища: «Мы оба с тобой падали на серебряные вещи». На самом же деле «у Германа золотое сердце». Он едва ли не «присяжный благотворитель». Нет, он не скуп (Герман немец: он расчетлив, вот и все), его алчность иного рода.

Феликсу чужд праздник согладательства в кинематографе («Уж если тратить деньги, так на что-нибудь получше»). У Германа - жажда всматривания, ненасытность взирания. Сначала Герман «с холодной жадностью следил за выражением лица» подопытного. Позже он «подошел к трупу и жадно взглянул». (Герман остановился перед нею, долго смотрел на нее, как бы желая удостовериться в ужасной истине.)

Феликс - паникер: «Вас накроют с полицием, а потом доберутся и до меня». (Вверх таких не берут, и тут про таких не поют.) Герман держится молодцом: «Прямой опасности нет, конечно, - и я полагаю, что такой опасности никогда не будет». Но и с ним случается срыв: «Как вы смеете; какое вы имеете право? Оскорбление! Я не допущу!...». Со временем кризис проходит - «Я спокоен» (А самое страшное видели? Лицо мое, когда я абсолютно спокоен?). Несмотря ни на что, «о каком-либо раскаянии не может быть никакой речи».

Значит, преступники - оба («Нас бы заметили рядом, вскочили, окружили, потащили бы в участок»). Но один все время выходил сухим из воды (иногда выплывал). Другим сразу занялась «международная полиция». ~~Герману не удается~~ «на крышном дорне» с любителем белок и ворован. Герману не улыбается - «Убить себя я не хочу». Так или иначе, но тема ПРЕСТУПЛЕНИЕ - НАКАЗАНИЕ решается по другим рецептам, чем в хваленном романе «Кровь и слюни».